ВЕЛИКИЙ НАРОДНЫЙ ПОЭТ

Учителю

(Из речи И. С. Тургенева по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве).

Заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности. Он дал окончательную обработку нашему языку, который теперь, по своему богатству, силе, логике и красоте формы, признается даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого; он отозвался типическими образцами, бессмертными звуками на все явления русской жизни. Он первый, наконец, вооружил могучей рукою знамя поднял глубоко в русскую землю, и если пыль, поднявшейся после него битвы, затемнила на время это светлое знамя, то теперь, когда эта пыль начинает опадать, снова засиял в вышине водруженный им небезопасный стяг.

Свой же, как он, благородный медный лик, воздвигнутый в самом сердце древней столицы, и гласи грядущим поколениям о нашем праве называться великим народом потому, что среди этого народа родился, в ряду других великих, и такой человек! И как о Шекспире было сказано, что всякий, вновь выучившийся грамоте, неизбежно становится его новым чтецом—так и мы будем надеяться, что всякий наш потомок, с любовью остановившийся перед изваянием Пушкина и понимающий значение этой любви, тем самым доказает, что он, подобно Пушкину, стал более русским и более образованным, более свободным человеком! Пусть это последнее слово не удивит вас, милостивые государи! В поэзии—освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила. Будем также надеяться, что в недальнем времени даже сыновьями нашего простого народа, который теперь не читает нашего поэта, станет понято, что значит это имя: Пушкин!—и что они повторят уже сознательно то, что нам довелось недавно слышать из бессознательно лепечущих уст: «Это памятник—учителю!». (1880 г.).

В ПУШКИНСКИЕ ДНИ

Курский Дом пионеров ставит в пушкинские дни два вечера для младших и старших школьников. Младшим будет показан инсценировка по сказок и сцена из «Скупого рыцаря»; для старших артисты драмтеатра поставят отрывки драм и прозы великого писателя. Организуется концерт на тему «Музыка времен Пушкина».

9 февраля открывается пушкинская выставка.

* * *

Клуб имени Рудзутака (станция Бурсак) силами драматического кружка поставит три сцены из «Бориса Годунова» — «В келье», «В корчме» и «У фонтана». Балетный кружок приготовил три танца из «Русалки»—русско-боярский, цыганский и танец русалок.

* * *

Дом Красной Армии организует 6 февраля детский утренник по пушкинской программе. Участвуют кружки школ 9 и 11. 13 февраля дается концерт симфонического оркестра «Пушкин в музыке».

Пушкинская комната

ПОНЫРИ. В железнодорожном клубе открыта пушкинская комната. Собранные в ней материалы дают яркое представление о жизни и творчестве великого поэта. Портреты Александра Сергеевича,—начиная с детского возраста. Большой портрет поэта работы местного художника Белова. Картина, изображающая дуэль Пушкина с Дантесом. На стенах—газетные статьи о Пушкине, высказывания лучших наших критиков о пушкинском наследстве.

10 февраля клуб организует доклад о Пушкине, инсценировку «Цыган» и декламацию стихов великого народного поэта.

Г. ЧЕВЫЧЕЛОВ.

ТВОРЕЦ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Пушкин — создатель русского литературного языка. До него господствовал язык, близкий к церковно-славянскому, со значительной примесью галлицизмов, язык, далекий от живой, разговорной речи. Мертвые формы этого условного, напыщенного языка затрудняли развитие русской культуры.

«У нас еще нет ни словесности, ни книг, — писал Пушкин в 1824 году, — учность, политика и философия еще по-русски не из'яснились... Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для из'яснения понятий самых обыкновенных».

С самого начала своей литературной деятельности Пушкин выступал против мертвящих форм тогдашнего литературного языка. Но в то время как для карамзинистов нормой и сближения книжного языка с разговорным была речь дворянского салона, и светская дама об'являлась судьей поэзии, законодательницей литературного вкуса,—Пушкин с первых же шагов своего самостоятельного творчества восстал против языка «кокетной дамы», против манерности и жеманства.

Для создания нового литературного языка он обратился к живой народной речи и к народной поэзии. «Разговорный язык простого народа, — писал Пушкин, — достоин глубочайшего изучения». Пушкин с восхищением говорил о «драгоценной свежести, простоте, чистосердечности выражений», конкретности и смысловой емкости народного языка.

Вводя народные слова в свои произведения, Пушкин не раз слышал нападки критики, и ему приходилось доказывать право поэтического гражданства таких слов, как **кнут, ого, пора, вставай** и т. д. Но к этим источникам живого народного слова Пушкин подошел во всеоружии литературной культуры.

«Письменный язык, — говорит он, — окаменяется помимо выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка». И Пушкин гениально сумел использовать даже такие архаизмы литературного языка, которые последующими писателями (Лермонтов, Тургенев) уже не употреблялись: «чувствий пыл старинный», «гибель от него любезная», «плениться семейственной картиной» и т. д. Но эти архаизмы, приведенные из романа «Евгений Онегин», нам понятны и воспринимаются по-особому: язык романа приобретает особый тон, тон старинной музыки.

Язык Пушкина свободен и бесконечно разнообразен. На все «впечатленья бытия» Пушкин отзывался всегда ново, молодо и свежо. Вспомним «шопот речки тихоструйной», «многодорожный наш Арарум», «тяжелозвонкое скаканье» и т. д.

Пушкин не только создавал словарь нового литературного русского языка, он изменял и самое строение фразы. «Наши писатели,—заметил Пушкин,—никогда не скажут **дружба**, не прибавляя: сие священное чувство, коего благородный пламень и прочее... Должно бы сказать: **рано поутру**, а они пишут: одни первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба».

Уже современники Пушкина, даже его враги, как Греч и Булгарин, отмечали громадные достижения поэта в области языка. «Мы,—писали они,—не знаем в русской литературе повести, которая была бы написана так легко, приятно, правильно и отчетливо, как «Пиковая дама». Сенковский, тогдашний писатель и журналист, сказал Пушкину по поводу «Пиковой дамы»: «Русской прозе не хватает универсального русского языка, и я его нашел в вашем рассказе. Это язык наших стихотворений, понятый и оцененный одинаково всеми классами, который мы переносим в нашу прозу».

Недаром, много лет спустя после смерти Пушкина, Л. Н. Толстой, работая над «Анной Карениной», несколько раз перечитывал «Повести Белкина» и рекомендовал писателям «не переставая изучать это сокровище».

Огромная историческая заслуга Пушкина в том, что он расширил сферу нашего литературного языка, обогатил его всем разнообразием средств народной речи, приблизил язык литературный к языку разговорному. Как никто из других писателей его эпохи Пушкин демократизировал наш литературный язык, разрушил его аристократическую ограниченность и в то же время придал языку такую простоту и гибкость, что произведения Пушкина даже в наше время, столетие спустя, читаются так легко.

В. МАЛЫШЕВ.

Пушкин и Николай I

В. Кирпотин

Пушкин в ряде произведений проявил резко критическое отношение к самодержавию и крепостническому строю. Кроме «Вольности», широко известными стали «Деревня», «Посаль», политические эпиграммы. Царское правительство намеревалось сослать Пушкина в Сибирь, но, благодаря заступничеству Жуковского, Тургенева и Карамзина, его выслали на юг России. Здесь поэт встретился с виднейшими деятелями декабристского движения—Пестелем, В. Раевским, В. Давыдовым, Якушкиным, С. Волконским и др. В 1823 г. Пушкин переехал в Одессу, но и здесь его «губительное» влияние пришлось не по душе графу Воронцову, и поэт был выслан в с. Михайловское, Псковской губ.—в имение родителей—без права выезда оттуда. Декабрьское восстание 1825 г. застало Пушкина в ссылке и произвело на него глубокое впечатление. В августе 1826 г. Пушкину разрешено было вернуться из ссылки. Николай I вызвал его к себе.

В Москве Пушкина сразу повели к императору, не дав ему даже побриться и умыться с дороги. Царь решил сделать попытку приручить Пушкина, превратить его в придворного поэта, прославляющего в хвалебных гимнах официальную политику. Намерения правительства очень ясно выразились в одном из писем шефа жандармов Бенкендорфа, ближайшего человека к царю, который писал своему патрону, что Пушкин «порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет вытоно».

Царь встретил Пушкина лицемерно-доброжелательно. Пушкин первоначально не раскусил намерений царя. Пушкин вовсе не думал отрекаться полностью от своих идеалов или отказываться от своей личности, хотя он и трезво учитывал изменения в политической обстановке, происшедшие после поражения декабристов. Царь спросил Пушкина, что бы он делал, если бы был 14 декабря в Петербурге. Пушкин, не колеблясь, ответил, что примкнул бы к мятежникам. Несомненно также, что Пушкин, поверив, что царь будет вести просвещенную и доброжелательную к народу политику, дал ему обещание изменить свое политическое поведение.

Царь об'явил поэту, что сам будет цензором его произведений. Это решение первоначально было воспринято поэтом и окружающими как акт царской милости, как освобождение от придирок обычной цензуры. В дальнейшем же, как мы увидим, эта «высочайшая милость» оказалась тяжелыми оковами, стеснявшими каждый шаг поэта в печати. Чтобы пользоваться хотя бы теми минимальными правами, которые имели обыкновенные русские литераторы, Пушкину приходилось иногда издавать свои произведения под чужим именем или анонимно.

Московское общество встретило поэта, вернувшегося из ссылки, с большим вниманием и сочувствием. Но царь продолжал не доверять Пушкину. Чтобы испытать Пушкина, Николай поручил ему написать записку о народном воспитании. Пушкин написал записку в уклончивых выражениях, так, чтобы не рассердить Николая, но и не сказать чего-нибудь такого, что противоречило бы его собственным взглядам. Записка Пушкина не понравилась царю. Пушкин стоял за просвещение, царь же видел в просвещении врага самодержавия, он считал главной добродетелью верноподданнее рабское непререкающее подчинение.

В записке Пушкина было одно важное место, выражавшее подлинный его взгляд на историческую обстановку, сложившуюся после разгрома декабристов. «Должно полагать,—писал он,—что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой—необ'ятную силу правительства, основанную на силе вещей».

Царю, конечно, не могло понравиться, что Пушкин призывал подчиниться самодержавию только потому, что у революции не было сил его поколебать.

Но эта мысль многое об'ясняет в поведении самого Пушкина. После разгрома декабристов в России не осталось на время ни одной организованной революционной силы. Пушкин, трезво взвесив соотношение сил самодержавия и революции в тот исторический период, решил подчиняться самодержавию, но на определенных условиях. Пушкин принял свое решение и под влиянием лицемерного поведения царя, который при первом свидании с поэтом прикинулся человеком, заботящимся о благе народа, чему поэт первоначально поверил. Кроме того, учитывая свою славу, свое общественное влияние, Пушкин надеялся, что сможет воздействовать на царя в духе просвещения и милости. Свои надежды на Николая I Пушкин выразил в стихотворении «Стансы». В нем он проводил параллель между Николаем I и Петром Великим, указывая палачу декабристов на Петра, как на образец для подражания. Программа, начертанная в «Стансах», заключала в себе искренние надежды Пушкина. Просвещение, смягчение нравов, справедливость, уважение к родной стране, разносторонняя деятельность на ее пользу—если бы эти качества были возможны в дешете—примирили бы Пушкина с Николаем. Особенно замечателен конец стихотворения:

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь прадедуру подобен:
Как он неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Призыв быть «памятью незлобивым» означал призыв простить декабристов. Пушкин и после поражения декабристов, и после признания нереальности революционной тактики продолжал положительно расценивать идеалы декабристов.

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье,—

писал он почти одновременно со «Стансами», обращаясь к сосланным в Сибирь.

Пушкин не был политиком. В этот период он отчетал в своих воззрениях невозможное—веру в будто бы предстоящие реформы царя и положительное признание идеалов декабристов, политическую тактику которых он стал отрицать, как не подкрепленную реальными силами.

Новые взаимоотношения между поэтом и царем вызывали со стороны некоторых обвинения по адресу Пушкина в измене старым идеалам, в низкопоклонстве и лести. После всего сказанного нами видно, что Пушкин имел право вполне искренне ответить на эти обвинения в новых стансах «Друзьям»:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Однако, и в этих вторых стансах, на первый взгляд как бы вполне верноподданнических и даже идеализировавших Николая, содержался все-таки какой-то скрытый элемент «крамолы». В среде придворных холопов и чиновников Пушкин говорил о своем отношении к царю таким неслыханным языком, проявлял столько человеческого достоинства, так непосредственно сопоставлял себя с царем, что одобрение было весьма сомнительное: царь стихотворение одобрил, но напечатать его не позволил.

Истинный же смысл царских «милостей» Пушкин испытал очень скоро. В стихотворении «Андре Шенье»—о французском поэте, казненном во время французской буржуазной революции, увидели, и не без основания, сочувствие декабристам, критику расправы над ними со стороны Николая I. Пушкина допрашивали, таскали «по инстанциям», держали под угрозой. Хотя его и не подвергали никакому наказанию, но установили за ним негласный полицейский надзор.

Фактически Пушкин и по возвращении из ссылки не получил прав свободного человека. Он не мог без разрешения Бенкендорфа переезжать с места на место. За чтение не напечатанного еще тогда «Бориса Годунова» в среде знакомых и друзей он получил строгий выговор. С него была взята подписка, что до получения разрешения в цензуре он никому не будет читать своих новых произведений. Рукопись «Бориса Годунова» потребовали к царю. Царь положил на трагедию всемилостивейшую резолюцию, предложив переделать ее в роман. Эта резолюция фактически была запрещением на ряд лет печатать «Бориса Годунова».

В это время на голову Пушкина обрушились новые неприятности. Правительству доставили список «Гавриилиады». Дело было нешуточное. За атеистическое произведение полагалась Сибирь и каторга.

Пушкин сначала отрицал свое авторство «Гавриилиады», потом лично написал царю письмо, текст которого остался неизвестным и в котором он, вероятно, сознался в совершенном им «преступлении». От наказания Пушкин снова был освобожден, но ценою новых внушений, осрастов и требований.

В Москве Пушкин познакомился с красавицей Натальей Николаевной Гончаровой, впоследствии ставшей его женой. В 1829 г. поэт посватался к ней, но получил отказ. Расстроенный своим неясным общественно-политическим положением, огорченный личными неудачами, Пушкин предпринял путешествие в действующую армию, в Закавказье (Россия тогда воевала с Турцией). Пушкин стремился на Кавказ еще и для того, чтобы увидеться с рядом старых товарищей, сосланных туда за причастность к заговору декабристов. Путешествие, предпринятое Пушкиным без предварительного разрешения, вызвало новое недовольство царя.

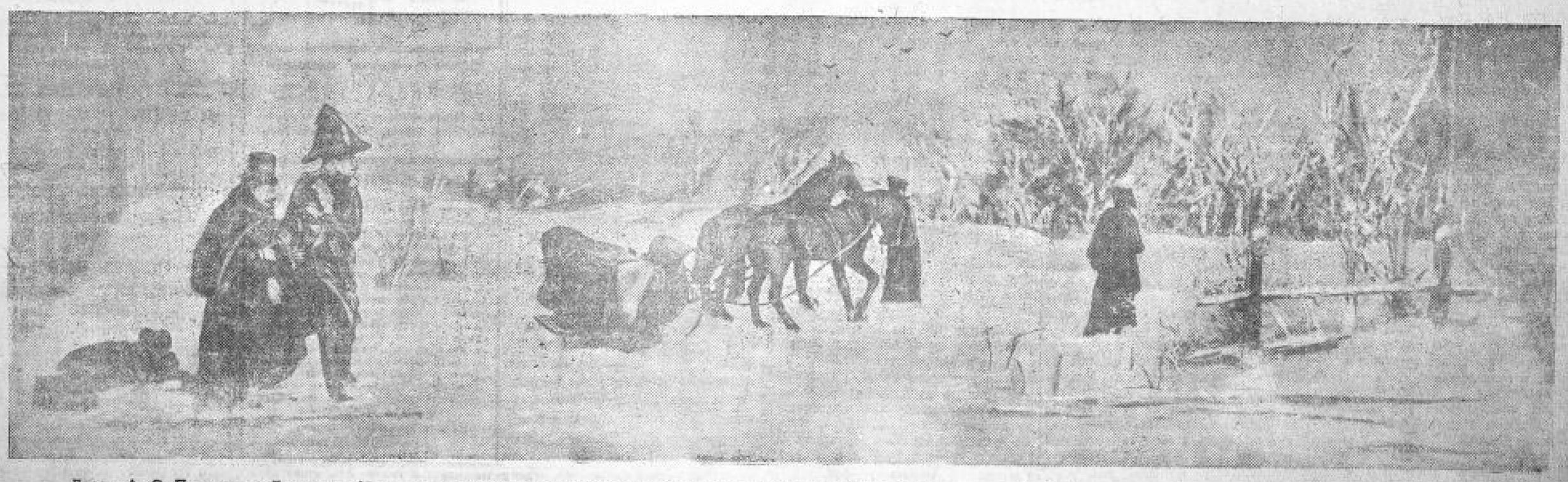
Меж тем сватовство Пушкина не подвигалось. Неудачный ход его романа ускорил его давнее желание покидать чужие края. Он обратился с просьбой разрешить поездку в Европу или, если в Европу нельзя, то хоть и Китай. Пушкин опять получил отказ в обидной форме.

Преследования царя и Бенкендорфа были сигналом для нападок на Пушкина, как за писателя, со стороны зависимой от правительства печати. Величайший русский поэт оказывался все в большем и большем одиночестве. Каждое его начинание вызывало озлобление и травлю.

«Милости» царя обернулись для Пушкина очень горько. Он оказался на положении пленника царского режима. Даже жениться Пушкин не смог без разрешения царя. Весной 1830 г., предложение Пушкина было принято Натальей Гончаровой и ее семейством, но мать невесты боялась отдать свою дочь за человека, пользовавшегося дурной репутацией. Пушкину пришлось через Бенкендорфа обратиться к царю за одобрением своего брака.

Под влиянием политического и жизненного опыта Пушкина охватывает глубокое разочарование в Николае. Поэт понял, что от него требовали не лойяльности, а холопства, с чем Пушкин примириться не мог. Об одном мечтал затравленный поэт—скрыться от царя куда-нибудь подальше, в глушь, в деревню, где, казалось ему, он был бы вне постоянного придирчивого воздействия.

Пушкин понял, что царь—сила враждебная свободе, просвещению и искусству. Пушкин понял, что он пленник царя, живущий под постоянной угрозой расправы. Состояние поэта было очень тяжелое. Пушкин видел самодержавие во всем его отталкивающем виде, но в то же время не видел никаких сил для борьбы с самодержавием. И все же, несмотря на неблагоприятные условия, гений Пушкина продолжал мужать и развиваться.



Дуэль А. С. Пушкина с Дантесом. Макет по картине А. Начмова, сделанный курским пенсионером-железнодорожником Н. Е. Шимкевичем. Макет отправлен областной библиотекой в Москву на Всесоюзную пушкинскую выставку